

КАРЛ МАРКС

*ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА
ЛУИ БОНАПАРТА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 93(44)''1848''
ББК 63.3(4Фра)
М26

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Маркс, Карл.
М26 Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Карл Маркс ; [перевод с немецкого]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-137154-8

Карл Маркс (1818–1883) — немецкий философ, экономист и политический деятель, идеи которого получили общее название марксизма и легли в основу коммунистической идеологии.

В этой работе Карл Маркс дает подробный анализ этапов французской революции 1848 г., оценивает контрреволюционный переворот, совершенный Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., как карикатуру на переворот 9 ноября (18 брюмера) 1799 г., который привел к власти Наполеона Бонапарта. На конкретном примере Карл Маркс развивает важнейшие положения исторического материализма и показывает классовую борьбу как движущую силу истории.

УДК 93(44)''1848''
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-5-17-137154-8

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие ко второму немецкому изданию 1869 года

Мой преждевременно скончавшийся друг Иосиф Вейдемейер [Во время Гражданской войны в Америке занимал пост военного начальника округа Сент-Луис. (*Примечание Маркса.*)] собирался издавать в Нью-Йорке с 1 января 1852 г. политический еженедельник. Он попросил меня написать для этого издания историю *coup d'état*. В соответствии с этой просьбой я писал для него еженедельно до середины февраля статьи под заглавием: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Тем временем первоначальный план Вейдемейера потерпел неудачу. Вместо этого он весной 1852 г. начал издавать ежемесячный журнал «Die Revolution», первый выпуск которого и состоит из моего «Восемнадцатого брюмера». Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тог-

да в Германию, не поступив, однако, на настоящий книжный рынок. Один корчивший из себя крайнего радикала немецкий книго-торговец, которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, с неподдельным моральным ужасом отверг такую «несвоевременную затею».

Из сказанного видно, что предлагаемое сочинение возникло под непосредственным впечатлением событий и что его исторический материал не выходит за пределы февраля (1852 г.). Настоящее его переиздание вызвано отчасти спросом на книжном рынке, отчасти настояниями моих друзей в Германии.

Из сочинений, которые появились почти одновременно с моим и посвящены тому же вопросу, заслуживают внимания только два: «Наполеон Малый» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона.

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него как гром среди ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Он не замечает, что изображает эту личность великой вместо малой, приписывая ей беспри-

мерную во всемирной истории мощь личной инициативы. Прудон, со своей стороны, стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков. Я, напротив, показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя.

Переработка предлагаемого сочинения лишила бы его своеобразной окраски. Поэтому я ограничился только исправлением опечаток и устранением ставших сейчас уже непонятными намеков.

Заключительные слова моего сочинения: «Но если императорская мантия падет наконец на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны» — уже сбылись.

Полковник Шаррас открыл атаку на культ Наполеона в своем сочинении о походе 1815 года. С тех пор, и особенно в послед-

ние годы, французская литература с помощью оружия исторического исследования, критики, сатиры и юмора навсегда покончила с наполеоновской легендой. За пределами Франции этот резкий разрыв с традиционной народной верой, эта огромная духовная революция, мало обратила на себя внимания и еще меньше была понята.

В заключение выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — школярской фразы о так называемом цезаризме. При этой поверхностной исторической аналогии забывают самое главное, а именно что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры,

порожденные этой борьбой, могут иметь между собой не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил.

Лондон, 23 июня 1869 г. Карл Маркс
Печатается по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 16, с. 374—376

Предисловие к третьему немецкому изданию 1885 года

Потребность в новом издании «Восемнадцатого брюмера» спустя тридцать три года после его первого появления доказывает, что это произведение до сих пор нисколько не утратило своего значения.

И действительно, это был гениальный труд. Непосредственно после события, которое точно гром среди ясного неба поразило весь политический мир, которое одни проклинали с громкими криками нравственного негодования, а другие принимали как спасение от революции и как кару за ее заблуждения, события, которое, однако, у всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, эпиграмматическим произведением, в котором изложил весь ход французской истории со вре-

мени февральских дней в его внутренней связи и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой связи, причем для этого ему вовсе не понадобилось относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. Картина была нарисована Марксом с таким мастерством, что каждое сделанное впоследствии новое разоблачение доставляло только новые доказательства того, как верно была отражена в ней действительность. Такое превосходное понимание живой истории современности, такое ясное проникновение в смысл событий в тот самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно.

Но для этого требовалось такое глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в Средние века, образцовая страна единообразной сословной монар-

хии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии тоже выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна. Вот почему Маркс с особым предпочтением изучал не только прошлую историю Франции, но и следил во всех деталях за ее текущей историей, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставляли его врасплох.

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и спосо-

бом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории французской Второй республики. На этой истории он в данной работе проверил правильность открытого им закона, и даже спустя тридцать три года все еще следует признать, что это испытание дало блестящие результаты.

Ф. Энгельс

ЧАСТЬ I

Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848—1851 гг. вместо Горы 1793—1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи рево-

люционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793—1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени —

освобождение от оков и установление современного буржуазного общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили произраставшие на его почве феодальные голы. Другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы в той мере, в какой это было необходимо, чтобы создать для буржуазного общества во Франции соответственное, отвечающее потребностям времени окружение на европейском континенте. Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бонжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созида-

нием богатства и мирной конкурентной борьбой, оно уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого Завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную